

Одоевский Владимир Федорович

**Повести князь В. Ф.
Одоевский**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Федорович О.**
Повести князь В. Ф. Одоевский: Том 1 / Одоевский Владимир Федорович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 129 с.

ISBN 978-5-521-26138-3

ISBN 978-5-521-26138-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

было смѣшно, грустно, душно; мысли и чувства тѣс-
нились въ душѣ моей, перебѣгали отъ предмета къ
предмету, мѣшали размышленіе съ безотчетностью;
вѣру съ сомнѣніемъ, метафизику съ эпиграммой,
долго волновались онѣ, какъ волшебные пары надъ
треножникомъ Каліостро и, наконецъ, мало-по-малу
образовали предо мною образъ покойника. И онъ
явился, — точь-въ-точь какъ живой: указалъ мнѣ
на свои брюшные полости, впередъ въ меня глаза,
ничего невыражающіе. Тщетно хотѣлъ я бѣжать,
тщетно закрывалъ лицо руками; мертвецъ всюду за
мною, смѣется, прядаетъ, дразнить мое отвращеніе
и щеголяетъ передо мною какимъ-то родственнымъ
со мною сходствомъ...

— Ты смотрѣлъ холодно на мою кончину! ска-
залъ мнѣ мертвецъ, — и вдругъ лицо его приняло
совсѣмъ иное выраженіе: я съ удивленіемъ замѣ-
тилъ, что во взорѣ его мѣсто безчувственности за-
ступила глубокая, неистощимая грусть; черты без-
смыслія выразили лишь холодное, обжившееся от-
чаяніе; отсутствіе вдохновенія превратилось въ вы-
раженіе безпрестаннаго, горькаго упрека...

— Ты даже съ насмѣшкою, съ презрѣніемъ
смотрѣлъ на мои послѣднія страданія, продолжалъ
онъ уныло. — Напрасно! ты не понялъ ихъ: обыкно-
венно жалѣютъ, плачутъ объ умершемъ гениі, бро-
сившемъ плодоносную мысль на почву человѣчества;
о художникѣ, оставившемъ въ звукахъ и краскахъ
все царство души своей; о законодателѣ, въ себѣ
одномъ заключившемъ судьбу милліоновъ, и о комъ

жалѣють? о комъ плачутъ?—о счастливыхъ! Надъ ихъ смертною постелью витаетъ все прекрасное, ими созданное; имъ разлуку съ міромъ услаждаетъ ихъ право на гордость, отъ котораго такъ свѣжо душѣ челоуѣка; они въ послѣднюю минуту, больше нежели когда нибудь, вспоминаютъ о дѣлахъ, ими совершенныхъ; въ эту минуту и похвалы, ими слышанныя и предполагаемыя, и ихъ тяжкія, таинственныя страданія, даже самая неблагодарность людей—все сливается для нихъ въ громкій, благодарственный гимнъ, который чудною гармоніею отдается въ ихъ слухъ!—А я и мнѣ подобные? Мы въ тысячу разъ болѣе достойны слезъ и сожалѣній! Что могло усладить мою послѣднюю минуту, что? развѣ безпамятство, то есть продолженіе того же состоянія, въ которомъ я находился во всю мою жизнь? Что я оставляю по себѣ? мое все со мною!—А если то, что я говорю тебѣ теперь, пришло мнѣ въ голову въ мою въ послѣднюю минуту; если что либо шевелилось въ душѣ моей въ продолженіе моей жизни; если послѣднее, судорожное потрясеніе нервъ внезапно развернуло во мнѣ жажду любви, само-свѣдѣнія и дѣятельности, заглушенную во время жизни:—буду ли я тогда достоинъ сожалѣнія?

Я содрогнулся и проговорилъ почти про себя:

— Кто же мѣшалъ тебѣ?

Мертвецъ не далъ мнѣ окончить, горько улыбнулся и взялъ меня за руку.

— Посмотри на эти китайскія тѣни, сказалъ онъ, — вотъ это я. Я въ домѣ отца моего. Отецъ

мой занять службою, картами и псовой охотой. Онъ меня кормить, поить, одѣваетъ, бранить, сѣчетъ и думаетъ, что меня воспитываетъ. Матушка моя занята надзоромъ за нравственностью цѣлаго околотка, и потому ей некогда присмотрѣть ни за моею, ни за своею собственною: она меня нѣжитъ, лелѣетъ, лакомить потихоньку отъ отца; для приличія заставляетъ меня притворяться, для благопристойности говорить не то, что я думаю; быть почтительнымъ къ роднѣ; выучивать наизусть слова, которыхъ она не понимаетъ, — и также думаетъ, что она меня воспитываетъ. Въ самомъ же дѣлѣ, меня воспитываютъ челядинцы: они учатъ меня всѣмъ изобрѣтеніямъ невѣжества и разврата, и — ихъ уроки я понимаю!..

«Вотъ я съ учителемъ. Онъ толкуетъ мнѣ то, чего самъ не знаетъ. Никогда не думавши о томъ, что есть у понятій естественный ходъ, онъ перескакиваетъ отъ предмета къ предмету, пропуская необходимые связи. Ничего не остается и не можетъ остаться въ головѣ моей. Когда я не понимаю его, — онъ обвиняетъ меня въ упрямствѣ; когда я спрашиваю о чемъ, — онъ обвиняетъ меня въ умышленіи. Школа мнѣ мѣла, а ученіе не развертываетъ, а только убиваетъ мои способности.

«Мнѣ еще не исполнилось 14 лѣтъ, а уже конецъ ученію! Какъ я радъ! я ужъ затянуть въ сержантскій мундиръ; днемъ хожу въ караулъ и на ученіе, а больше ѣзжу по роднѣ и начальникамъ; ночью завиваю пукли, пудрюсь и танцую до упада.

Время бѣжить и подумать физически некогда. Батюшка учить меня ходить на поклоны и подличать; матушка показываетъ мнѣ богатыхъ невѣсть. Когда я осмѣливаюсь сдѣлать какоенибудь возраженіе,— это называютъ неповиновеніемъ родительской власти; когда мнѣ случайно удастся выговорить мысль, которую я не слыхалъ ни отъ батюшки, ни отъ матушки,— это называютъ вольнодумствомъ. Меня бранятъ и грозятъ мнѣ за все, за что бы должно хвалить, и хвалятъ за все, за что бы должно бранить. И естественное состояніе души моей превратилось: я запуганъ, закруженъ; къ тому же, природа, совсѣмъ некстати, снабдила меня слабыми нервами и я—оторопѣлъ на всю жизнь, на всѣ мои душевныя способности нашло какое-то онѣмленіе; нечему развернуть ихъ: онѣ еще въ почкѣ, а ужъ раздавлены всѣмъ меня окружающимъ; нѣтъ предмета для мыслей; можетъ быть, могъ бы я думать, да не съ чего начать и не умѣю; я также не могу вообразить, что можно о чемънибудь думать, кромѣ моихъ ботфортовъ, какъ глухонѣмой не можетъ себѣ вообразить, что такое звукъ... Между тѣмъ, я пью и играю, ибо иначе меня назовутъ дурнымъ товарищемъ, что бы мнѣ было очень прискорбно.

«Всѣ женятся. Надобно жениться и мнѣ. Вотъ я женатъ. Жена мнѣ подъ пару. А я все тотъ же: въ головѣ у меня до сихъ поръ однѣ батюшкины мысли: если какънибудь прійдетъ мнѣ въ голову мысль, не похожая на батюшкину, то я

отъ нея отмаливаюсь, какъ отъ бѣсовскаго навожденія; боюсь быть дурнымъ сыномъ, ибо хотя не понимаю, въ чемъ состоитъ добродѣтель, но мнѣ по инстинкту хочется быть добродѣтельнымъ. Вотъ почему утромъ мы съ женою сводимъ разные сче-ты,—ибо батюшка, пуще совѣсти, наказалъ мнѣ не растерять ниѣвнѣ, а потомъ,—потомъ туалетъ, обѣдъ, карты, танцы. Мы живемъ очень весело; время бѣжитъ и очень скоро. Когда мнѣ, по инстинкту, захочется перемѣнить что нибудь въ нашемъ образѣ жизни,—жена мнѣ грозитъ названіемъ дурного мужа, и я продолжаю ей покоряться, потому что мнѣ хочется сохранить уже пріобрѣтенное мною названіе истиннаго христіанина и человѣка съ правилами. Этому много помогаетъ то, что я усердно ѣзжу къ роднѣ и не пропускаю ни однихъ именинъ и ни одного рожденія.

«Вотъ у меня дѣти; я очень радъ; говорятъ, что ихъ надобно воспитывать, — почему не такъ! Въ чемъ состоитъ воспитаніе—мнѣ некогда было подумать, и потому я счелъ за лучшее воспользоваться батюшкиными совѣтами, и сталъ дѣтей точно такъ же воспитывать, какъ меня воспитывали, и говорить имъ точно тѣ же слова, которыя мнѣ батюшка говорилъ. Такъ гораздо покойнѣе! Правда, многія изъ его словъ я повторяю такъ, по привычкѣ, кстати и некстати, не присоединяя къ нимъ никакого смысла,—по что нужды!—очевидно, что отецъ не могъ мнѣ желать худого, и потому все-таки его слова принесутъ моимъ дѣтямъ пользу, и опытность от-

повъ не будетъ потеряна для дѣтей. Иногда отъ такого повторенія чужихъ словъ у меня краска вспыхиваетъ въ лицѣ; но чѣмъ другимъ, если не такимъ безпрестаннымъ памятованіемъ отцовскихъ наставленій можно лучше доказать сыновнее почтеніе, и что мнѣ, въ свою очередь, можетъ доставить больше правъ на такое же почтеніе дѣтей моихъ?—не знаю.

«По инстинкту мнѣ захотѣлось отдать дѣтей въ общественное заведеніе; но вся родня мнѣ сказала, что въ школѣ мои дѣти потеряютъ пріобрѣтенныя ими въ домѣ правила нравственности и сдѣлаются вольнодумцами. Для сохраненія семейнаго спокойствія, я рѣшился учить ихъ дома и, не умѣя выбрать учителей, выбираю ихъ и плачу дорого; вся родня моя за то мною не нахвалится, и увѣряетъ, что на дѣтей моихъ сошло Божіе благословеніе, потому что они во всемъ на меня похожи, какъ двѣ капли воды. Но это не совсѣмъ правда: жена мнѣ много мѣшаетъ.

«Я жены моей никогда не любилъ, и что такое любовь, я никогда не зналъ; я сначала не замѣчалъ этого; пока намъ говорить было некогда и не о чемъ, мы какъ-то уживались; теперь же, какъ родились дѣти и мы стали меньше выѣзжать,—бѣда моя приходитъ! мы ни въ чемъ съ женою не согласны: я хочу одного, она другого; начнемъ ни съ того, ни съ сего; оба говоримъ—другъ друга не понимаемъ, и,—самъ не знаю,—всякій споръ обратится въ споръ о томъ, кто изъ насъ умнѣе, а этотъ споръ длится

всегда 24 часа; и такъ, только мы вмѣстѣ, то или молчимъ, да скучаемъ, или—содомъ-содомомъ! она закричитъ — я уговаривать; она завизжитъ — я кричать; она въ слезы, потомъ больна—я ухаживать. Такъ проходятъ цѣлые дни; время бѣжить и очень скоро.

«Отчего происходятъ наши ссоры—право, не понимаю: мы оба, кажется, смирнаго нрава и люди (всѣ говорятъ) нравственные; я почтительный сынъ, она почтительная дочь; я уже сказалъ, что учу дѣтей своихъ тому, чему меня самъ отецъ училъ, а она учить, чему ее сама мать учила,—чего бы лучше? Но, къ несчастію, мой батюшка и ея матушка противорѣчили другъ другу; оттого мы свято исполняемъ родительскій долгъ, а сбиваемъ дѣтей съ толку: она ихъ держитъ въ хлопкахъ, я вожу на морозъ,—дѣти мрутъ; за что Богъ меня наказываетъ?

«Мнѣ ужъ приходитъ невтерпѣжъ и, хотъ для спасенія дѣтей, я хотѣлъ было пустить мою жену на всѣ на четыре стороны; но какъ я покажусь на глаза людямъ, подавши такой примѣръ безнравственности? Нечего дѣлать! видно вѣкъ терпѣть мѣку; утѣшительно, что хотъ чужіе люди насъ за то хвалятъ и называютъ примѣрными супругами, потому что хотя другъ друга терпѣть не можемъ, да живемъ вмѣстѣ по закону.

«Между тѣмъ время все бѣжить да бѣжить, а съ нимъ растутъ и мои чины; по чинамъ мнѣ даютъ мѣсто; по инстинкту я догадываюсь, что не могу

занимать его, — ибо отъ непривычки къ чтенію, я, читая, ничего не понимаю. Но мнѣ сказали, что я буду дурнымъ отцомъ, если не воспользуюсь этимъ мѣстомъ, чтобъ пристроить дѣтей; я не захотѣлъ быть дурнымъ отцомъ и потому принялъ мѣсто; сначала посоветился, сталъ было читать, да вижу что хуже, а потомъ отдалъ всѣ бумаги на попеченіе секретаря, а самъ принялся подписывать, да пристраивать дѣтей, чѣмъ и заслужилъ названіе доблаго начальника и попечительнаго отца.

«А время бѣжить да бѣжить; вотъ я уже переступилъ черезъ 4-й десятокъ; періодъ жизни, въ которомъ умственная дѣятельность достигаетъ высшей точки, своего развитія, уже прошелъ; мои брюшныя полости раздвигаются все больше и больше, и я началъ, какъ говорится, идти въ тѣло. Когда уже прежде, до сего періода, ни одна мысль не могла протолкаться мнѣ въ голову, — чему же быть теперь? Не думать сдѣлалось мнѣ привычкою, второю природой. Когда отъ ослабленія силъ нельзя мнѣ выѣхать, — мнѣ скучно, очень скучно, а отчего? — самъ не знаю. Примусь раскладывать грань-пасьянсъ — скучно. Бранюсь съ женою — скучно. Пересилю себя, поѣду на вечеръ, — все скучно. Примусь за книгу — кажется русскія слова, а словно по-татарски; придется пріятель, да расскажетъ, я какъ будто пойму; стану читать, — опять не понимаю. Отъ всего этого на меня находятъ, что говорится, хандра, за что жена меня очень бранитъ; она спрашиваетъ меня:

развѣ чего мнѣ недостаетъ, или я въ чемъ несчастенъ?—я приписываю все это геморрою.

«Вотъ я боленъ, въ первый разъ въ жизни; я тяжело боленъ,—меня уложили въ постель. Какъ не-пріятно быть больнымъ! Нѣтъ сна, нѣтъ аппетита! какъ скучно! а вотъ и страданія! чѣмъ заглушить ихъ? Какъ пріѣдутъ люди поговорить,—ибо вся моя родня свято наблюдаетъ родственныя связи,—то какъ будто легче, а все скучно и страшно. Но что-то родные начинаютъ чаще пріѣзжать; они что-то шепчутся съ докторомъ,—плохо! Ахти! говорятъ ужъ мнѣ о причастіи, о соборованіи масломъ. Ахъ! они всѣ такіе хорошіе христіане,—но вѣдь это значитъ, что я уже при послѣднемъ концѣ. Такъ нѣтъ уже надежды? Должно оставить жизнь,—все: и обѣды, и карты, и мой шитый мундиръ, и четверку воронихъ, на которыхъ я еще не успѣлъ поѣздить,—ахъ, какъ тяжело! Принесите мнѣ показать новую ливрею; позовите дѣтей; нельзя ли еще помочь? призовите еще докторовъ; дайте какого хотите лекарства; отдайте половину моего имѣнія, все мое имѣніе:—поживу, наживу—только помогите, спасите!..

«Но вдругъ сцена перемѣнилась: страшная судорога потрясла мои нервы и какъ завѣса упала съ глазъ моихъ. Все, что тревожитъ душу человѣка, одареннаго сильною дѣятельностію: ненасытная жажда познаній, стремленіе дѣйствовать, потрясать сердца силою слова, оставить по себѣ рѣзкую бразду въ умахъ человѣческихъ,—въ возвышенномъ чувствѣ, какъ въ жаркихъ объятіяхъ, обхватить и при-

роду, и человѣка,—все это запылало въ головѣ моей: предо мною раскрылась бездна любви и человѣческаго самосвѣдѣнія. Страданія цѣлой жизни генія, неутолимые никакимъ наслажденіемъ, врѣзались въ мое сердце и все это въ ту минуту, когда былъ конецъ моей дѣятельности. Я метался, рвался, произносилъ отрывистыя слова, которыми въ одинъ мигъ хотѣлъ высказать себѣ то, на что недостаточно человѣческой жизни; родные воображали, что я въ безпамятствѣ. О, какимъ языкомъ выразить мои страданія! Я началъ думать! Думать—страшное слово послѣ шестидесяти-лѣтней бессмысленной жизни! Я понялъ любовь! любовь — страшное слово послѣ шестидесяти-лѣтней безчувственной жизни!

«И вся жизнь моя предстала мнѣ во всей отвратительной наготѣ своей!

«Я позабылъ всѣ обстоятельства, встрѣтившія меня съ моего рожденія; всѣ неумолимыя условія общества, которыя связывали меня въ продолженіе жизни. Я видѣлъ одно: посрамленные мною дары Провидѣнія! И всѣ минуты моего существованія, затоптанныя въ безсмыслии, приличіяхъ, ничтожествѣ, слились въ одинъ страшный упрекъ, и жгучимъ холодомъ обдавали мое сердце!

«Тщетно искалъ я въ своемъ существованіи одной мысли, одного чувства, которыми-бъ я могъ прикрыться отъ гнѣва Вседержителя! Пустыня отвѣчала мнѣ, и въ дѣтяхъ моихъ я видѣлъ продолженіе моего ничтожества: ахъ! еслибы я могъ говорить, еслибы я могъ вразумить меня окружаю-